
С. Н. ВАЛК

«Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева

В 80-х годах прошлого века В. О. Ключевский прочел курс, посвященный «терминологии русской истории».¹ Ни в тщательно составленном «алфавитном указателе терминов», имеющемся в литографированном издании этого курса, ни в разделе курса, отведенном «терминам политическим», мы не встретим термина «вельможи». Тем более нас должно было бы удивить, что в «Истории Российской» В. Н. Татищева это термин нередкий. Неизбежно поэтому перед нами должна встать задача, существенная при пользовании «Историей Российской» и как историческим источником, и как памятником истории общественно-политической мысли, а именно задача установить источник, из которого Татищев мог бы заимствовать этот в известных местах только у него встречающийся термин.

Одно из возможных решений этого вопроса могло бы быть сведено к предположению, что этот термин, отсутствующий в соответствующих местах других известных нам источников, все же мог бы быть обнаружен Татищевым в каком-либо другом, не дошедшем до нас источнике, а такие источники, конечно, в руках у Татищева были. Однако оказался и некоторый новый путь к разрешению только что поставленного вопроса, путь, по которому попытаемся пойти в нижеследующих строках.

Обнаружение в настоящее время многих татищевских рукописей позволило установить длительную и тщательную работу Татищева над выработкою им окончательного текста «Истории Российской». Это повело к неизбежному требованию: прежде чем говорить или рассуждать о том или ином мнении, слове или термине, встречающемся в «Истории Российской», считаться с тем, где, когда и в каком сочетании оно в ней употреблено Татищевым.

Действительно, ограничивая в настоящей заметке свои наблюдения хронологическими рамками Повести временных лет, мы обладаем — помимо единственного, ранее вошедшего в научный оборот и теперь потерявшего это свое значение миллеровского издания XVIII в. «Истории Российской», — также некоторыми рукописями второй части этого памятника, хронологически соответствующей Повести временных лет. Уже давно И. Сенигов указал на наличие двух редакций «Истории Российской». Для ранней, первой редакции в нашем распоряжении имеется ее беловая рукопись. Для второй же редакции, использованной также в только что упомянутом миллеровском издании, сохранилась черновая рукопись, в которой

¹ В. О. Ключевский, Сочинения, т. VI, М., 1959, стр. 129--275.

отразилась огромная работа Татищева над созданием ее текста.² Несколько наблюдений над этими рукописями помогут, полагаем, приблизиться и к решению вопроса о татищевских «вельможах».

В тексте первой редакции «Истории Российской» мы совсем не найдем «вельмож», которыми столь усеяна вторая редакция. Уже это может вызвать у нас сомнение в том, что «вельможи» заимствованы Татищевым из каких-либо неизвестных нам летописных памятников. Ведь иначе с гораздо большей вероятностью они должны были присутствовать именно в этой первой редакции, в которой Татищев стремился следовать и в порядке слов и в наречии самим летописям.

Как же «вельможи» появились во второй редакции «Истории Российской»? На это дает отчетливый ответ упомянутая только что черновая рукопись второй редакции. Так, например, в одном из эпизодов летописного рассказа о крещении Владимир советуется с «боярами и старцами». Ответу последних на обращенный к ним князем вопрос предпосланы слова: «реша бояре и старцы». Эта же летописная формула ответа перешла и в первую редакцию второй части «Истории Российской»; и здесь мы читаем: «реша бояре и старцы вси». В первоначальном тексте второй редакции мы обнаруживаем все ту же знакомую нам летописную формулу: «рекоша бояре и старцы вси». Однако здесь-то и происходит искомым нами превращение этой формулы в новый вид. Именно Татищев зачеркивает здесь «бояр и старцев» и поверх зачеркнутого пишет: «и рекли все вельможи и старейшины». Другой пример: такое же изменение претерпел эпизод награждения знаменитого усмаря, победившего в единоборстве «превеликого и страшного» печенега. В летописи он был «сотворен» за свой подвиг «великим мужем». Таким он оставался в первой редакции «Истории Российской», и только в рукописи второй редакции героический усмарь из «великого мужа» превратился под пером Татищева в «вельможу».³ Все остальные «вельможи» изучаемого отрезка «Истории Российской» имеют совершенно такое же происхождение. Таким образом, история появления в «Истории Российской» этого термина в качестве древнерусского термина для обозначения некоторой общественно-политической группы, существовавшей тогда в Киевской Руси, кажется ясной: термин этот принадлежит не каким-либо неизвестным нам рукописям, но обязан своим происхождением всецело перу Татищева.

Однако что же побудило Татищева ввести этот термин в «Историю Российскую» для обозначения определенного слоя в обществе Киевской Руси?

Прежде всего, конечно, необходимо определить, какие действительно древнерусские разряды населения были Татищевым подведены под разряд «вельмож». Это поможет нам установить И. Сенигов, который много лет тому назад в своем исследовании, посвященном «Истории Российской», хотя и бесплодно, по мнению А. А. Шахматова, но полезном для нас именно в силу этой бесплодности, сопоставил текст Лаврентьевской и других летописей с текстом татищевской «Истории». Он обнаружил 26 случаев, в которых татищевским «вельможам» в летописных чтениях соответствовали то «бояре» (10), то «дружина» (9), то «мужи» (6), то «передние мужи» (1).⁴ К наблюдениям И. Сенигова можно добавить, оставаясь

² Рукопись первой редакции теперь издана в четвертом томе «Истории Российской» (Л.—М., 1964), рукопись второй редакции — во II—III томах (1963—1964).

³ История Российская, т. IV, стр. 135, 139; т. II, стр. 59 и 381, вар. 78—79; стр. 66 и 282, вар. 191.

⁴ И. Сенигов. Историко-критическое исследование о Новгородских летописях и Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887, стр. 400, 406, 414, 422.

в пределах Повести временных лет, разве еще один случай, когда «вельможи» заменили собою «ближнюю дружину»,⁵ что, впрочем, ничего существенно нового не добавит; возможно, что благодаря рукописям удалось бы несколько увеличить приводимые Сениговым цифры татищевских «вельмож», опять-таки без существенного значения для нижеследующих заключений.

Теперь попытаемся решить основной вопрос: может ли появление в «Истории Российской» «вельмож» вместо указанных только что летописных наименований иметь какое-либо значение для характеристики общественно-политических взглядов Татищева или же оно является только одной из черт редакционной работы Татищева, до сих пор еще столь мало изученной исследователями? Приходится с вероятностью ответить отрицательно на первое предположение и, наоборот, утвердительно на второе. Подтверждение вероятности этого второго предположения можно найти в некоторой аналогии, а затем и в некоторых других косвенных соображениях.

Татищев подготовил к изданию «Судебник царя Ивана Грозного», снабдив его своими подробными, сохранившимися в нескольких даже, все более пространных редакциях примечаниями. Однако, как и в данном случае, Татищев изменял в некоторых отношениях и сам текст «Судебника», к счастью объясняя, почему он это делает. В статье 1-й «Судебника» начало ее гласит: «Суд царя и великого князя судити бояром, и окольниковым, и дворецким, и казначеем, и дьяком. . .». Такие же перечисления отдельных имеющих право суда чинов оказались в статьях 2-й и 3-й. Когда такое их перечисление было вновь повторено в статье 6-й, Татищев в примечании написал, что оно «излишне» и что он «везде едино судья вместо всех положил». Объяснял же Татищев это тем, «чтоб плодovitостью непотребного не распространять». Действительно, и в статье 6-й и везде далее мы видим уже одного «судью» вместо перечня всех упомянутых выше отдельных категорий возможных судей.⁶ Как видим, совершенно аналогичное явление произошло, когда Татищев решил «вельможами» заменить в «Истории Российской» ряд тех категорий древнерусского общества, которые можно было, по его мнению, подвести под это понятие. Таким образом, как в «Судебнике» обобщенный термин «судья» был придуман для всех категорий судящих самим Татищевым, так же это случилось и в «Истории Российской» с «вельможами»; правда, этот термин встречается и в летописи, но нигде в ней не имеет того обобщающего значения, которое ему в данных примерах придал Татищев.

Это, как видим, общее явление в трудах Татищева имело в своей основе его желание, особенно в более поздних трудах, или, точнее, даже в позднейших редакциях одного и того же труда, сделать их возможно более доступными для читателя. Об этом Татищев и сам пишет в «Предъизвещении» к первому тому «Истории Российской», когда объясняет, почему он предпринял громаднейший труд по переработке своей «Истории» из древнего на новое наречие. Он объясняет, свою работу именно тем, что «приготовленная» им «История» на древнем наречии «не всякому вразумительна». С этой целью он переложил ее на новое, свойственное читателю XVIII в. наречие, а в тексте добавлял свои пояснения (как в «Истории Российской», так и в «Судебнике»).

⁵ История Российская, т. II, стр. 62 и 281, вар. 129—129.

⁶ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768, стр. 1—6.

Остается добавить, что термин «вельможи» был применен к древнерусскому общественному слою, считаясь со словоупотреблением читателя XVIII в., для которого этот термин был столь же обычен и понятен для обозначения высшего общественного слоя, как и термин «судья» для обозначения всякого лица, исполняющего соответствующую судебную деятельность.

Итак, приходится отнести появление введенного Татищевым термина «вельможи», имеющего определенный общественно-политический смысл, все же не к особенностям политической идеологии древнерусского общества, а к одной лишь редакционной работе автора «Истории Российской».
